

MINISTERUL EDUCAȚIEI ȘI CERCETĂRII REPUBLICII MOLDOVA
UNIVERSITATEA DE STAT DIN COMRAT
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ РМ
КОМРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Conferința științifico-practică
internațională
**«Știință. Educație.
Cultură»**

Международная научно-
практическая конференция
**«Наука. Образование.
Культура»**

31-ая годовщина
КОМРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ТОМ 3

Филология
История и философия
Культура и искусство

КОМРАТ, 2022

ПОДСЕКЦИЯ 6.4. СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ДУХОВНО-НРАВСТВЕННО ВЪЗПИТАНИЕ НА ЛИЧНОСТТА В УРОЦИТЕ ПО БЪЛГАРСКА
ЛИТЕРАТУРА 222
Бойкова Лариса, Бойкова Анастасия
- СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ
ЛИТЕРАТОРАМ, В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА 224
Боровко Ванда
- МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ «НАСТОЯЩИХ СКАЗОК» Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ) 228
Долгов Вячеслав
- СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОЙ СВЯЗНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ 5-7
КЛАССОВ ДАГЕСТАНСКОЙ ШКОЛ 231
Зайналова Лариса
- ЭРГОНИМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ МАГАЗИНЫ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ 236
Куров Александр
- К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА 238243
Милевич Инга
- РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ТУРИЗМЕ 243
Фокин Сергей
- ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕМИННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ) 246
Якименко Людмила

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

ПОДСЕКЦИЯ 7.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

7.1.1. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

- УКРЕПЛЕНИЕ РИМСКОЙ ЭПОХИ-КАСТРУМ У С. ЭТУЛИЯ 251
Агульников Сергей
- ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОСКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ НАУЧНОЙ, МЕТОДИЧЕСКОЙ,
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА БАЗЕ АРТЕЗИАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 254
Винокуров Николай, Симонова Анастасия, Сорокин Глеб
- «... ТАТАРЫ С НЕИСТОВЫМ РВЕНИЕМ НАЧАЛИ БОЙ...» 263
Добролюбский Андрей
- ТРАКИЙСКИ СЪКРОВИЩА КАТО ПРИЗНАК НА «ПРЕСТИЖНАТА» ИКОНОМИКА 270
Крыкин Сергей

В настоящее время английский язык охватывает все сферы деятельности, начиная от науки и заканчивая предпринимательством в сфере туризма. На данной стадии развития мирового сообщества необходимо соблюдение принципа межкультурного общения, как в организации туристской деятельности, так и в профессиональном туристском образовании. Люди используют английский язык в различных целях: некоторым она нужна для успешной карьеры, для других – это возможность свободно и комфортно путешествовать.

Знание английского языка для сотрудников сферы туризма и для самих туристов является очень важным фактором, а именно:

- возможность общения с людьми по всему миру;
- ведение бесед в международных чатах и группах;
- возможность путешествовать по всему миру;
- возможность узнать много нового и интересного о жизни и культуре других стран и наций [7].

В условиях глобального многоязычия в сфере туризма необходим тот тип билингвизма, при котором важно использовать языковые и культурные нормы носителей английского языка, так как туристическая деятельность предполагает взаимодействие с другими странами, где, в одном случае, английский может выступать как родной язык, а в другом – как общепринятая международная речь.

Можно с уверенностью утверждать, что в ближайшем будущем ведущим языком международного и межкультурного общения останется английский. Мир вступил в эпоху глобального билингвизма «родной язык, английский язык». Использование английского в качестве языка межкультурного общения становится необходимостью для всех народов мира, включая и сами англоязычные народы

Таким образом, преодоление барьеров межъязыковой коммуникации в туризме базируется на системе лингвистических и экстралингвистических знаний, необходимости билингвизма, особенности вербальной коммуникации, а также умений и навыков, формировании способности и готовности успешно устанавливать, строить, развивать и совершенствовать взаимоотношения с представителями другой, отличной от своей, лингвокультурной среды.

Библиография:

1. Г. Трейгер. Е. Холл. Культура та комунікація. Модель аналізу (1954 р). Режим доступу / https://uk.wikipedia.org/wiki/Міжкультурна_комунікація.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990. – 250 с.
3. Жлуктенко Ю. О. Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова в США і Канаді./Жлуктенко Ю. О. – К.: Вид-во Київського ун-ту. – 1964. – 164 с.
4. Зацний Ю. А., Мова і суспільство: збагачення словникового складу сучасної англійської мови. / Зацний Ю. А., Пахомова Т. О. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2001. – 243 с.
5. Reading On Communicating With Stranger. Ed. by W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim. McGraw-Hill. – 1992. – 456 p. <https://www.amazon.com/Communicating-Strangers-Approach-Intercultural-Communication/dp/>
6. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ>
7. Фокін С. П. Міжкультурна вербальна комунікація у туризмі. / Мат. Міжнар. наук.-практ. конф., 10 – 11 квіт. 2019 / КНУКіМ, 2019. – С. 335

УДК 82-055.2.09

ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕМИННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Якименко Людмила,

канд. филол. наук, доцент ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

e-mail: yakimenkol@list.ru

orcid.id:0000-0002-5391-5867

Abstract. The article deals with issues related to scientific understanding, interpretation and rethinking at the present stage of development of society as a whole and literary studies – in particular, the concepts of «gender», «feminism», «feminine literature». The differences in the understanding of the term «gender» in the biological and socio-cultural context are indicated. The features of the «female type of writing» are revealed.

Keywords: gender, feminine literature, literary criticism.

Заинтересованность в обществе гендерной проблематикой возникла в начале 1970-х годов параллельно с развитием феминистских исследований и формированием так называемой «женской истории» на Западе. Впервые определение понятия «гендер» было дано в статье Ш. Ортнер «Соотносятся ли женское с мужским так же, как природное с культурным?», а также в исследованиях Р. Унгер, А. Рич и Г. Рабин. Как результат, «гендер» – одно из центральных и фундаментальных понятий – становится предметом специального и углубленного осмысления на протяжении десятилетий. Его генезис освещен, например, в работах Н.Л. Пушкаревой «Гендерный подход в исторических исследованиях», «Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук», в которых приводится следующее определение этой дефиниции: «Гендер – это набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности» [9, с. 16].

Согласно другим источникам, впервые понятие «гендер» появилось в работах психолога и психоаналитика университета Калифорнии (Лос-Анджелес, США) Р. Столлера в 1958 г., в которых он разделил понятия «маскулинности» и «фемининности» для определения различий между социокультурными характеристиками «мужского» и «женского». Под термином «гендер» он понимал социальные проявления принадлежности к полу или «социальный пол». В 1963 г., выступая на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, ученый говорил о понятии социополового (то есть – гендерного) самоосознания. Его концепция строилась на разделении «биологического» и «культурного». Изучение пола (англ. «sex») Р. Столлер считал задачами биологии и физиологии, а анализ гендера (англ. «gender») – рассматривал как предметную область исследований психологов, социологов, культурологов. Предложение Р. Столлера о разведении биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям, или гендерологии [9, с. 49].

В ходе дальнейших исследований понятие «гендер» чаще использовалось в работах, посвященных изучению социальных, культурных, психологических аспектов «женского» по сравнению с «мужским», «то есть при выделении всего того, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин» [9, с. 46]. Еще одну интересную трактовку понятия «гендер» предложила Т. де Лауретис в своей книге «Технологии гендера» (1987). Основываясь на идеях М. Фуко, она утверждала, что «гендер – не простая производная от анатомо-биологического пола, а социальная конструкция, репрезентация или, скорее, составной эффект дискурсивных и визуальных репрезентаций, которые, следуя М. Фуко, я рассматривала как продукт различных общественных институций:

не только семьи, системы образования, масс-медиа, медицины или права, но также языка, искусства, литературы, кино и научной теории» [7, с. 15].

Н. Абубрикова приходит к выводу, что «гендер конструирует отношения между одним объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенными классом (группой); это отношение принадлежности» [1, с. 32]. Таким образом, гендер приписывает или закрепляет за каким-либо объектом или индивидом позицию внутри класса, следовательно, и позицию относительно других, уже составленных классов.

В англо-русском словаре В. Мюллера фиксируется, что «gender» имеет два значения. Первое – грамматический род и второе – пол как шутливое обозначение. В Американском словаре наследия английского языка слово «гендер» определено, в первую очередь, как классификационный термин, в том числе и как морфологическая характеристика («грамматический род») [12, с. 47]. Однако дело не только в буквальном значении лексемы «гендер», а в том объеме понятия, который закрепился за ним в научной литературе: «Термин “гендер”, заимствованный из лингвистики, использовался для обозначения культурных характеристик мужчин и женщин в отличие от пола – совокупности биологических характеристик – генетических, физиологических и репродуктивных. При помощи понятия «гендер» было проведено структурное отделение естественного (природного) от приобретенного (культурного) в человеке. Гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [4, с. 21]. Это понятие стало междисциплинарным, его активно использует социология, антропология, философия, литературоведение, лингвистика, одним словом, все дисциплины гуманитарного цикла.

Теоретики феминизма подчеркивают, что асимметрия во взаимоотношениях полов пронизывает все сферы жизни, начиная с политической и заканчивая сексуальной, и объясняется это, прежде всего, биологическими характеристиками пола. Возникает понятие фаллоцентризма/маскулинности как обозначение всего мужского и феминизма – женского. Знаковым явлением в теории феминизма стала книга Симоны де Бовуар «Второй пол» [2], положившая начало многим неофеминистским исследованиям, в которых женщина рассматривается не как биологическое, а как социально-психологическое явление в патриархальном, унижающем ее обществе.

Г.А. Брандт дифференцирует феминистских исследовательниц по трем группам, каждая из которых отражает свой взгляд на женскую проблематику: «Различия в феминистских подходах к рассмотрению “природы женщины” связано со многими причинами, в частности с использованием разных исследовательских технологий: марксистского, феноменологического анализа, психоанализа, дискурсивных практик, которые дают основание для расстановки разных акцентов в процессе изучения формирования женского опыта бытия в современном мире. Однако главной целью феминистских исследований природы женщины является снятие пресловутой дихотомии “женщина – природа, мужчина – культура” (безраздельно господствующей в историко-философской антропологической традиции) и определение, прежде всего, ее культурных потенциалов». Поэтому в основу типологического анализа проблемы ложиться определение авторами тех историко-культурных перспектив, с которыми связывается реализация «женского» в социальном пространстве [3, с. 33].

Одна из ведущих исследовательниц феминистского психоанализа Дж. Митчелл в своей книге «Психоанализ и феминизм: Фрейд, Райх, Лейнг и женщины» (1974) соглашается с идеей Ж. Лакана о символической конструкции, которая лежит в основе гендерной идентичности. Большинство озвученных позиций рассмотрено в историографическом обзоре и М. Рюткенен [10]. Так, в нем подчеркивается, что Т. Де Лауретис, автор книги «Технология гендера» (1978), выдвинула на первый план отношение субъекта и сексуальности, определяя таким образом и особенности женского субъекта. Опираясь на идеи М. Фуко, Т. де Лауретис дает определение гендеру как «социальной конструкции, которая, в свою очередь, является продуктом различных общественных институтов (семья, образования, СМИ, языка, искусства, литературы, кино, научных теорий)» [9, с. 50].

Для литературоведа имеют большое значение работы постструктуралиста, ученицы и последовательницы М. Бахтина, Ю. Кристевой – как наиболее яркой представительницы феминистской критики [8]. Она вводит понятие «choга» (чрево), считая, что конструирование женского «Я» протекает в производстве языковых структур отца, организованных функцией фаллоса. Подчеркнем, что для постструктуралистов понятие «феминности» уже не связано с представлением о какой-либо субстанциональности, с биологическим полом, – это метафорическое выражение маргинального способа мышления.

Многие ученые определяют украинский и российский современный гендерный порядок, унаследованный от предыдущих эпох и укоренившийся в нашем сознании в XX веке, как этакратический, то есть такой, в формировании которого определяющую роль играет государство. Согласно классификации, предложенной А. Темкиной и Е. Здравомысловой [5], принято выделять четыре этапа гендерной политики общества: первым этапом считается период с 1918 года по 1930 год; вторым – 1930 – 1950-е гг., третьим – 1950 – 1980-е гг., четвертым – 1980 – нач. XXI века. На современном этапе, по сравнению с предыдущими, существенно изменились гендерные роли женщины. Выделяют три основные роли, которые может выполнять женщина: «работающая мать», «домашняя хозяйка» и «сексуализированная женственность». Таким образом, за последние несколько десятилетий сформировалась достаточная теоретико-методологическая база, позволяющая рассматривать гендер не только с биологической, социально-политической, но и с культурной, в некотором роде – мессианской точки зрения, а конкретнее – в контексте феминной литературы.

Кризисное сознание в эпоху бурного индустриального развития и конфликтного мировосприятия вошло в литературу и в женский литературный дискурс в начале XX века. Феминистическая теоретическая мысль второй половины XX века, выделившись в самостоятельное направление как социально-теоретического, так и научно-практического направления, остановилась на проблеме функционирования «женского компонента» в общественной жизни, при этом перенесла его на частную сферу и очертив проблему взаимного функционирования обоих полов в общественно-культурной и частной жизни в противовес однополному доминированию – мужскому, патриархальному, фаллоцентричному. Итак, новый женский дискурс начал предусматривать индивидуальную феминную психологическую оценку общественно-гражданских явлений и позиций, выводя понятие гендера на новый уровень.

В европейском контексте феминизм выступил одним из самых влиятельных течений XX века. В научной литературе данное понятие требует определения по меньшей мере на двух уровнях: с одной стороны, это широкое общественное движение за права женщин, или же феминистское движение (политический контекст), а с другой – комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, осуществляющих анализ статуса женщины в обществе, или же феминистская теория [10, с. 7].

Начало интереса в России к феминистской проблематике совпало с появлением нового направления в русском искусстве и литературе – постмодернизма. В постмодернизме параллельно с философским интересом к женскому началу возникает профессионально-научное обращение к творчеству женщин. Появление нового объекта для литературоведческих исследований («феминный текст») породило желание сказать о том, что женская литература существует как независимое, своеобразное и специфическое течение постмодернизма [7, с. 90].

Как известно, физиологическая, психическая и социокультурная природа женщины существенно отличается от природы мужчины. Это накладывает отпечаток на творчество, в том числе и литературное. У авторов-мужчин и авторов-женщин разный опыт и способы отображения мира, отличаются стиль изложения и степень эмоциональности. При этом стоит учитывать и принадлежность автора к определенной национальности, религии, его/ее семейное положение, то есть экстралингвальные факторы. Так, например, по утверждению социологов и психологов, славянской женской ментальности, в основном, присущи

кордоцентризм, эмоциональность, чувственность письма, религиозность, сильная связь с природой, с родным краем.

Следует отметить, что, хотя возникновение такого литературоведческого термина, как «феминное письмо» связано с феминистским движением, а поэтика ведет свою родословную от постмодернистских философских теорий Ю. Кристевой, Л. Ирригарэй и Г. Сиксу, эту дефиницию мы используем для более точного определения особенностей женских образов, представленных в художественных текстах. То есть, при анализе используется гендерный подход, а не социально-политический (борьба за гражданские права и свободу женщин, отстаивание их права на жизненное самоопределение). Тем более, что теория феминного письма нашла свое воплощение/отражение в конкретных литературных произведениях, а также в одноименной феминистической концепции.

Попытки определения специфики женского творчества были предприняты еще во второй половине XIX в. Критики-мужчины, выделяя такие особенности женской манеры письма, как субъективность, лиризм, чувственность, сентиментальность, рассматривали их как признаки, указывающие на несовершенство женского творчества по сравнению с мужским, тем самым отказывая женщинам-писательницам в литературном таланте. Даже в XX веке критики негативно оценивали творчество тех поэтесс, лирические или прозаические произведения, которых не соответствовали их идеологическим установкам, были, например, аполитичны. Женщинам в литературе «инкриминировали» то, что их интересовали проблемы нравственные, общечеловеческие, вневременные, а чаще всего – вопрос семейных отношений.

Проблема природы женского творчества остается актуальной и в наше время. М. Рюткенен в статье «Гендер и литература: проблемы “женского письма” и “женского чтения”» отмечает, что «женщины писали и пишут иначе, чем мужчины, поэтому уместно говорить о теории женской литературы, женского письма» [10, с. 5]. Таким образом, понятия «женского письма», «женской литературы» и «женской критики» становятся легитимными и знаменательными дефинициями академического литературно-критического дискурса.

Практически все уровни художественного произведения служат предметом исследовательского внимания в аспекте гендера, так как именно в женской литературе можно встретить образ женщины, проследить особенности женского начала, увиденные, осмысленные и воссозданные самой женщиной. Такой подход к женскому творчеству позволяет не только поставить в один ряд произведения писательниц, несхожих в своих жанрово-стилевых пристрастиях, но и рассматривать наряду с отечественной прозу переводную [11, с. 393]. В результате, четко формируется методологическая перспектива гендерных исследований в области литературоведения и искусствоведения, дающая возможность оценивать «феминную» доминанту текстов по разным критериям: не только произведений, написанных женщиной с феминно маркированным сознанием, но и художественно исследовать образ женщины, находящийся в центре создаваемого поэтессами/писательницами художественного мира.

Женское письмо ориентировано скорее не на создание новой языковой реальности, а на возможность сказать новое слово о себе как о познающем субъекте, поэтому возникает мотив обращения к себе, познание самой себя. Как результат, вопрос о деконструктивном характере женской прозы оказывается разрешенным в пользу конструктивного начала. Феминная литература начинает восприниматься как некая система, порождающая свое видение мира и знания о нем. Формальное экспериментирование не решает проблемы различия мужского и женского дискурсов, оно лишь приводит к утверждениям о наличии неких таинственных непознаваемых «интенций», или неосознанных желаний, которые порождают стремление к новому языку и необычному тексту [7, с. 94].

М. Рюткенен в своем обзоре феминистской критики приводит несколько наиболее важных и очевидных признаков «женственного стиля письма, на которые указывают вполне авторитетные, с ее точки зрения, исследователи: 1) не зависит от пола писателя и является способом, с помощью которого можно освободиться от гендерных ролей и разрешить «другому» стать видимым (Э. Сиксу); 2) может проявлять себя только через разоблачение

подавленной женственности: с помощью эффекта игрового повторения делать видимым скрытую возможную работу женственного в языке, то есть женщина всегда «другое» в маскулинном дискурсе (Л. Ирригарэй, С. Вайгель); 3) «женственный стиль письма», как и «мужской», создается в чтении, формируется читателем, признавшим себя гендерно соотношенным и понимающим последствия этой соотношенности для чтения и последующей интерпретации (читатель как «гендерный индикатор»)» [3, с. 45].

Таким образом, анализ основных концепций гендера как социокультурного феномена показал, что различение понятий «пол» и «гендер» обозначило выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов. Гендерные исследования носят полидисциплинарный характер и ведутся на стыке общей гендерологии и многих других наук, в том числе и литературоведения, о чем свидетельствуют работы Т. Ровенской, Т. Мелешко, С. Охотниковой и др. Современная гендерная теория, учитывая существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами, утверждает, что не столь важен сам по себе факт этих различий, главное – их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение на основе этих различий системы межполовых и внутриполовых отношений. Разработка категории «гендер» затрагивает все области гуманитарного знания, что особенно значимо в сфере культуры, прежде всего художественной литературы [4, с. 23]. Гендерный аспект литературоведения составляет анализ не только женской, но и мужской прозы. При этом данный подход требует ретроспективного взгляда, позволяющего трактовать традиционно известные образы в их гендерной сущности. Ретроспективный анализ охватывает и женскую – феминную – прозу, начиная от самых ее истоков. Такой анализ позволяет зримо представить предысторию и традиции формирования современной отечественной феминной литературы, а также рассматривать женские образы сквозь призму гендерной методологии.

Библиография:

1. Абубрикова Н. И. Что такое «гендер»? / Н.И. Абубрикова // *Общественные науки и современность*– 1996. – № 6. – С. 4–18.
2. Бовуар де С. Второй пол / С. де Бовуар. – М., 1998. – 324 с.
3. Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы. Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Г.А. Брандт. – Москва: ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 32 – 46.
4. Воронина О.А. Философия пола / О.А. Воронина // *Философия: Учебник* / Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова. – М., 1998. – 212 с.
5. Здравомыслова Е.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // *Материалы первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям*. – М., 1996. – 287 с.
6. Здравомыслова-Стоюнина О. Общество сквозь призму гендерных представлений / О. Здравомыслова-Стоюнина // *Женщина, гендер, культура*. – М., 1999. – 258 с.
7. Костикова А.А. Постмодернизм: феминистская критика / А.А. Костикова // *Материалы Ломоносовских чтений*. – М., 1997. – 421 с. 55
8. Кристева Ю. Силы ужаса / Ю. Кристева // *Гендерные исследования*. – 1999. – № 2. – С. 27–41. 58
9. Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях / Н.Л. Пушкарева // *Вопросы истории*. – 1998. – № 6. – С. 45–51.
10. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» / М. Рюткенен // *Филологические науки*. – 2000. – № 3. – С. 5 – 8.
11. Сиксу Э. Хохот медузы / Э. Сиксу // *Гендерные исследования*. – 1999. – № 3. – С. 89–104.
12. *American Heritage Dictionary of English Language*, – 1990. – 1002 с.